

Вырезка из газеты

5 ФЕВ 1964 (вечерний выпуск)

г. Баку

Два спектакля, похожие и разные

И ТАК, наше знакомство с искусством греческих гостей совершилось. Мы посмотрели оба спектакля их гастрольного репертуара. Это «Медея» и «Электра». Два сильных, в чем-то похожих, но в то же время весьма разных спектакля. Сходство, говорят, не тождество. Да, это особенно верно в отношении искусства. И спектакли греков — лишь некое тому доказательство.

Поэтому нас не смущает, что «Медея» и «Электра» очень близки по аромату, стилю, манере. Наоборот, дополняя друг друга, они укрепляют в нас чувство того общего, что было характерно для той стилистической стихии, которая была вызвана к жизни историей и закреплена в искусстве гением древнегреческого драматурга.

Пусть спектакли играют в одних и тех же декорациях, вершес, без декораций, ибо единственное строение, которое возвышается на заднем плане, является подобием античной сцены и лишь в незначительной мере служит декорацией. Пусть в обоих спектаклях действует хор, выполняя такую же функцию, пусть, наконец, во всем чувствуется почва таланта одних и тех же постановщиков — режиссера Рондириса, балетмейстера Лукки и композитора Кидоннатиса, — все это не мешает самобытности каждого из спектаклей.

Наверно, зрители обратили внимание на то, что одни и те же актеры в обоих спектаклях играют противоположные по характеру роли. В «Медее» мы встретились с актером Ксенакисом в роли бессердечного Ясона, а в «Электре» он предстал перед нами в роли благородного Наставника, страстного, как сам Софокл, борца за торжество справедливости. Актриса Зерву мы полюбили в роли скромной и человечной кормилицы в «Медее», но как преобразилась она в роли беспощадной и ненавистой Клитемнестры в «Электре».

Этот обычный, может быть, в актерской практике факт, в данном случае кажется особенно симптоматичным, поскольку позволяет подчеркнуть, как общее оборачивается разным в обоих спектаклях. Я думаю, не нужно особых доказательств для того, чтобы видеть различие спектаклей, так как сами имена Софокла и Эврипида, украшающие спектакли, достаточно красноречиво говорят о том, что речь идет о двух разных драматических гениях, о двух этапах в эволюции греческой трагедии.

СОФОКЛ, предшествовавший Эврипиду, был силен своим героическим пафосом, и это хорошо ощущается в спектакле «Электра», где мотив личной мести перерастает во всенародное требование наказания виновных во имя восстановления справедливости. Электра и Орест, поддерживаемые Наставником и Пиладом, а еще больше хором, не просто убивают свою мать, повинную в смерти их отца царя Агамемнона, не просто уничтожают своего врага злодея Эгиста, захватившего трон Агамемнона. Они совершают героический поступок, выполняют общественный долг.

Злодеяние не имеет оправданий — в этом смысл спектакля, в этом основа героического пафоса, характерного для Софокла и его современных толкователей. Не случайно, что одна из годовщин освобождения Греции от немецкой оккупации была отмечена спектаклем «Элек-

тра» в исполнении пирейцев в древнеримском театре в Афинах.

И в «Медее» мотив личной мести приобретает широкое общественное звучание. Медея идет на убийство своих врагов и детей не в результате роковой предопределенности событий, а вследствие оскорбления ее личности, грубого попрания ее права на счастье. Медея одинока в своих страданиях, сама же она должна расправиться со злом. Хор сочувствует ей, разделяет ее горе, но он пытается удержать Медею от роковых поступков. Уничтожив своих врагов, лишившись детей, Медея, как волшебница, покидает землю людей, тогда как Электра и Орест действуют во имя человека, во имя блага и счастья на земле.

У Медеи нет героической темы — Эврипид тяготел к более широкому изображению судьбы личности, и поэтому спектакль «Медея» при всей своей содержательности, как трагедия общественного звучания, уступает «Электре» в утверждении героического. Но

сталим в адрес актрисы говорили о том, как ей должно быть тяжело часто выступать в этой роли — можно ведь согнуться под гнетом столь глубоких переживаний. Да, очень трудно Аспасии-Электре и Аспасии-Медее. Она тратит невероятно много сил, воплощаясь в ту или другую героиню, на ее лице не высыхают слезы, она не знает улыбки, — разве развеешь радостной минутой, когда Электра узнает брата в Оресте, какой дорогой ценой тяжелых страданий достается ей эта минута, которая тут же сменяется тревогой, волнением, напряжением, связанным с чувством неодолимого долга мести.

Но сурдобольные зрители Аспасии, видимо, упустили из виду, что в искусстве тяжесть труда снимается радостью победы. Электра и Медея — победа греческой актрисы.

ПЕРЕД нами совершенное произведение искусства, достоверное своей исторической и человеческой правдой и покоряющее силой художественного воздействия.

ГАСТРОЛИ ГРЕЧЕСКОГО ТЕАТРА В БАКУ

это несколько не снижает его идейного достоинства, потому что внимание к человеческой индивидуальности само по себе было завоеванием истории, а следовательно, и искусства на пути к эмпатизации человека.

Для ЗРИТЕЛЬНОГО восприятия очевидно, что «Электра» — спектакль более героического звучания, чем «Медея», где событиями движет личная драма героини, не мирящаяся с обрущившейся на нее несправедливостью, порожденной корыстолюбием и тщеславием Ясона и других.

Тем не менее оба спектакля захватывают судьбой своих главных персонажей — Электры и Медеи. Поэтому многое в спектаклях решает актриса, которая выступает в этих ролях. У Пирейского театра есть такая актриса, и не одна, а две. Но, к сожалению, я видел лишь одну из них — Аспасию Папатанассиу, о ней только и могу говорить. Я уже писал, что в ее лице мы имеем одну из самых сильных трагических актрис современности. Это, видимо, подтвердит все зрители, которые имели удовольствие видеть ее в ролях Электры и Медеи.

Покидая спектакль «Электра», я слышал разговор зрителей, которые с большим сочув-

ствием, негодованием и порыв к действию — вот что характеризует образ Электры у Аспасии, хотя и далеко не исчерпывает многообразие гаммы красок, которой мастерски и с удивительной точностью пользуется актриса, создавая свои, видимо, лучшие роли.

Сколько смысла в том, что царская дочь Электра похожа на девушку из народа, более скромна по паряду, чем даже девушка из хора. Сколько силы воли обнаруживает она, отвергая всякое утешение, могущее ослабить ее решимость в наказании злодея. Как умна, провидительна она, как красива, поэтична, неотразима Электра в своих страданиях. Особенно, когда сообщают ей о смерти Ореста, когда приносит ей урну с прахом брата. А ее причитания, ее вопли — сколько душевной боли, искренности и человечности ощущаем мы в ней!

Но вместе с тем актриса не оставляет сомнения в том, что ее Электра не согнется под тяжестью страданий: чем более она страдает, тем мужественнее борется со злом, в чем зритель убеждается в патетическом единстве в сцене с преступившей матерью Клитемнестрой, а равно и в финальной сцене, когда Электра решительно преграж-

дает путь Эгисту к бегству от возмездия.

Богата красками и Медея, одинокой и трудной судьбы женщина-волшебница, которую Аспасия играет целомудренной, честной, правдивой, а главное, — непокоренной, несмотря на всю тяжесть судьбы. Медея, так же, как Электра, — натура внутренне сильная, страстная, гармоничная. Ее исчезновение служит обвинением людям на земле, корыстолюбие и тщеславие которых рождает так много несчастий. Так именно воспринимаем Медею в исполнении Папатанассиу, хотя этой ее героине труднее завоевать сочувствие и сострадание зрителя.

В УМНОМ и красивом искусстве Пирейского театра нас не в меньшей мере, чем актриса Аспасия, покоряет также хор. Мы уже заметили, что хор очень активен в спектакле, он на правах обобщенного персонажа вторгается в действие, расширяет и углубляет его смысл.

Без хора спектакль не мог бы обрести столь большой эпической силы. Но как же это достигается? Здесь театр всецело обязан таланту балетмейстера Лукки, нашедшей удивительно тонкий, выразительный и содержательный хореографический язык, который придает спектаклю исторический колорит, аромат древности, расширяет и развивает идею драматургов, сообщает всему специческому рисунку великолепную живописность.

Но это далеко не все. Главное в том громадном мастерстве, благодаря которому достигается общность чувств у актрис хора, которые живут, действуют, говорят, причитают, страдают, поют, танцуют — и все удивительно в унисон. Более того — во всем своем эстетическом поведении хор сливается с главными героями спектаклей, поднимает и возвышает их. Такого хора не знал раньше ни один театр, пытавшийся возродить на сцене зрелище античной трагедии.

Пирейский театр, Луккия прежде всего, открыл миру древнегреческий хор в его невиданных богатствах и мощи.

Одного хора было бы достаточно, чтобы мы крепко пожаловали руки коллективу Пирейского театра. Но спектакли «Электра» и «Медея», Аспасия Папатанассиу обогатили нас несравненно больше, и поэтому тем сильнее наша благодарность греческим гостям, покинувшим сегодня наш город, завоевав наши симпатии и любовь.

Дж. ДЖАФАРОВ.

На снимке: сцена из спектакля «Электра»